

ВЕРА — ОТЦУ

<8 апреля 1929>

«Родной папочка!

Передай Б. Н.¹, что я на допросах против Б.Н. ничего не показывала. Все, что было сказано Лебедевым² при очной ставке с Б.Н. — это ложь. МЕНЯ ПРИ ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛОЙ ОБСТАНОВКЕ ДОПРАШИВАЛИ. 1) Я не говорила, что показывала какой-то список Б. Н. 2) Я не говорила, что ты, папа, поручил через меня передать Б. Н. убить Дереховского³. Я сказала только, что Б.Н. Д<ереховского> не любит, это я знаю, а какие счета они имеют, я не знаю. МНЕ НЕ РАЗРЕШИЛИ ПРИ ОЧНОЙ СТАВКЕ ГОВОРИТЬ, ПРОСТО ЗАСТАВИЛИ УГРОЗАМИ, КАСАЮЩИМИСЯ ТВОЕЙ ЖИЗНИ И МОЕЙ. Я НЕ МОГЛА ЗАИКНУТЬСЯ, ЧТО ЭТО ЛОЖЬ. Ведь меня таскали ночью с постели на допросы, делали очную ставку с Серкутиным⁴ два раза и Дереховским, которые посадили Б.Н., тебя и меня. О КАРАСЕВЕ не было разговора совершенно. При чем КАРАСЕВ, не знаю. СЕРКУТИН нас всех утопил своей наглостью. Мне говорили, что А.⁵ два раза в 28 г<оду> в Н. приезжал к Б.Н. — я отрицала, сказали, что Б.Н. инициатор орган<изации>, где мы с А. встречались — я все отрицала. Ведь Серкутин назвал имя Б.Н. при очной ставке и обвинил меня: 1) подрыв советской власти, 2) сношение с границей (с 21 по 27 г<од>), 3) распространение ложных слухов о С.В., 4) участие мое, твое и Б.Н. в к<онтр>револ<юционной> организации. Все эти обвинения приписывают мне в обвинительном протоколе. Дереховский при очной ставке со мной обвинил меня в том, ЧТО Я ХОТЕЛА ЕГО УБИТЬ, и с этим намерением подошла (помнишь, по его зову летом) к нему. Неужели ты, папа, думаешь, что я виновата во всем? Нет, поверь мне. Мне тяжело, что Б. Н. думает о мне, как о предательнице.

Передай ему, ЧТО Я В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ТЯЖЕЛЫХ УСЛОВИЯХ НАХОДИЛАСЬ, И ВСЕ, ЧТО ОН СЛЫШАЛ — ЭТО ЛОЖЬ. Это дело Серкутина и Дереховского. Скажи мне, заикался ли ты Серкутину о Б.Н. когда-нибудь? Откуда он знает имя Б.Н.? Все, что КАСАЛОСЬ ЭТОЙ ГНУСНОЙ ЛЖИ Я ОТРИЦАЛА И ПОСЛЕ ОДНОЙ ИЗ НОЧНЫХ ОЧНЫХ СТАВОК С СЕРКУТИНЫМ Я ДУМАЛА, ЧТО С УМА СОЙДУ, ДВА РАЗА Н. О.⁶ ПРИСУТСТВОВАЛ НА ДОПРОСАХ, И ВСЕ ТРОЕ МЕНЯ ЧАСА ПО ТРИ ДЕРЖАЛИ НА ДОПРОСАХ. ВЕДЬ МНЕ ЖЕ ОНИ ГОВОРИЛИ О ТОМ, ЧТО МНЕ МАЛО ТЮРЬМЫ СОЛОВКОВ, "ЕЙ НУЖНО ПРОСТО ШЛЕПКИ ДАТЬ", чтобы знала, как Совет<ская> власть считается с такими злостными преступниками, как я. Ведь я четыре месяца просидела в ГПУ. МНЕ ГРОЗИЛИ, ЧТО И ТЕБЯ НАСМАРКУ ЗА ВСЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. Я просила Лебедева притянуть Серкутина за ложные показания. Я Лебедеву говорила, что нельзя основываться на словесных обвинениях, ведь никаких улик нет, доказывающих нашу виновность. Серкутин говорил, что А. два раза приезжал, и у нас были заграничные деньги. Я назвала его негодяем и подлецом. Он говорил, что я с ним кутила, всюду и везде я с ним бывала и говорила о Б. Н. с ним. Это ложь, ложь и ложь! Не верь, папа, тому, что они на допросах говорили, они от себя прибавляют очень многое. Скажи же мне, в чем же я виновата? Неужели я способна предать кого-либо? Да нет же, папа, поверь мне, поверь тому, что я не могла сама наговорить на неповинного человека. Ведь Лебедев ГОВОРИЛ МНЕ

¹ Б. Н. — Борис Николаевич Иванов.

² Лебедев — следователь в ГПУ.

³ Дереховский — агент ГПУ, душевно больной, страдающий манией преследования.

⁴ Серкутин — агент ГПУ.

⁵ А. — Александр, сын Владимира Тимченко.

⁶ Н. О. — начальник Черноморского отдела ГПУ, Винокуров.

НЕОДНОКРАТНО, "ЧТО Б. Н. Я ГОТОВ СЕЙЧАС ПРЯМО СЪЕСТЬ". ОН ВЫРАЖАЛ ПОЧЕМУ-ТО НЕВЕРОЯТНУЮ НЕНАВИСТЬ К Б. Н. И я оказалась козлом отпущения, меня же обвиняют в предательстве. Не верь, папа, клянусь всем самым дорогим мне в жизни — это тобой и нашей дорогой матерью, что не предавала. Ты мне напиши только о Серкутине: 1) откуда он знал о существовании Б. Н. и 2) и говорил ли ты сам о Б. Н. Дело рук нашего общего несчастья только двух лиц. Не могу писать, мне очень тяжело на душе. Я за тебя беспокоюсь только, за меня не волнуйся, ко мне все, решительно все хорошо относятся, и я голодной не сижу. От передач не отказывайся. Оле я написала. Обещают меня устроить в мастерской работать. Моя статья 58 п<ункты> 6 и 4. А твоя? Как только вышлют тебя, я просила Олю тебе помочь. Жду от тебя ответа. Теперь уж я ничем не могу тебе помочь. Ну, будь здоров, обо мне не беспокойся. Мною все здесь очень заинтересованы и с большой симпатией относятся ко мне. Завоевала доверие и симпатию. Мои надзирательницы обе прекрасные женщины, и ко мне самое лучшее отношение, какое только может быть. Целую тебя крепко, крепко. Люблю и тоскую. Вера.

8 апреля 1929 г<ода>»⁷.

⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 317. С. 97-98. Машинопись, подпись — автограф.